

Хапаева Лилия Владимировна

**К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ ИМЕНОВАНИЯ ФЛОРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Статья посвящена выявлению соотношения когнитивного и прагматического факторов в языковом освоении мира растений и определению роли прагматики как стратегии именования единиц флоры в карачаево-балкарском и русском языках. В ней представлены обобщенные когнитивные структуры, а также конкретные модели их реализации, основанные на прагматических стратегиях, обуславливающих мотивацию номинаций флоры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/11-2/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. II. С. 178-182. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ARTISTIC CONCEPT OF A HUMAN IN THE BALKAR POETRY

Uzdenova Fatima Taulanovna, Ph. D. in Philology

*Institute of Humanities Researches of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
kbigi@mail.ru*

The article examines the peculiarities of artistic interpretation of a human (personality) problem by the poets, spiritual and moral intentions as a basic component of a national ethno-consciousness, specifics of their representation in the poetry. The study of a human phenomenon is implemented mostly from the viewpoint of adopting the reality, identifying the place and role in the society, globalization and identification processes. The Balkar poets' works represent basically the worldview of a human, his associative area. Gnosiological nature and philosophism remain to be the priority means to solve the mentioned problem.

Key words and phrases: conception of a human; Balkar poetry; national picture of the world; anthropocentrism; philosophism; ethno-consciousness.

УДК 80

Филологические науки

Статья посвящена выявлению соотношения когнитивного и прагматического факторов в языковом освоении мира растений и определению роли прагматики как стратегии именования единиц флоры в карачаево-балкарском и русском языках. В ней представлены обобщенные когнитивные структуры, а также конкретные модели их реализации, основанные на прагматических стратегиях, обуславливающих мотивацию номинаций флоры.

Ключевые слова и фразы: карачаево-балкарский язык; номинации флоры; стратегия номинации; когнитивная стратегия; прагматическая стратегия; оценка.

Хапаева Лилия Владимировна*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
bryakhin@yandex.ru***К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ ИМЕНОВАНИЯ ФЛОРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)©**

В лингвистической литературе неоднократно указывалось на то, что языковая картина мира является отражением репрезентируемых в языке представлений о мире [1-3; 10]. Формируясь веками, языковая картина мира синтезировала результаты познавательной и классифицирующей деятельности человека, а также особенности материального и духовного опыта народа. Поэтому языковая картина мира в целом и отдельные её фрагменты в частности совмещают когнитивные, семантические, прагматические, этноспецифические компоненты. Однако на разных этапах развития лингвистики это синтезированное «языковое знание» изучалось с разных сторон: на пике актуальности оказывались то системные, то семантические, то когнитивные, то этноспецифические аспекты картины мира. Кроме того, в зависимости от исследовательских целей авторов актуализировался один определенный аспект.

Между тем, изучение соотношения в языковых единицах различных компонентов, выступающих в качестве факторов формирования целостного языкового значения, относится к числу *актуальных* и приоритетных проблем современной лингвистики.

В связи с этим целью статьи является выявление соотношения когнитивного и прагматического факторов в языковом освоении одного из существенных фрагментов картины мира – флоры – и определение роли прагматики в качестве номинативной стратегии, а значит и мотивационной основы единиц флоры в карачаево-балкарском и русском языках.

С актуализацией антропоцентрического принципа в современной лингвистике особое внимание стало уделяться роли человека в лингвистическом освоении окружающей действительности. Сама природа языковой номинации как акта наречения имени объектам действительности связана с человеком. Поэтому в наименованиях растений находят отражение не только онтологические характеристики единиц флоры, но и когнитивные, связанные с познавательной, классифицирующей и оценочной деятельностью человека, с его архетипическими представлениями о мире растений. То есть, номинативная деятельность человека при создании различных типов наименований флоры обуславливается когнитивными и прагматическими стратегиями, которые в свою очередь определяют мотивационный признак растения, составляющий основу номинации.

Под когнитивными стратегиями мы понимаем «общие номинативные стратегии, связанные с выбором опорных признаков, получающих предпочтительное выражение при обозначении сущностей той или иной природы и проявляющиеся в языке в сложной практике формирования стандартных средств их лексической и фразовой номинации» [11]. Стратегии номинации флоры могут быть связаны с актуализацией онтологических признаков.

Однако растения далеко не всегда получают свои номинации на основе использования особенностей внешнего вида (формы, размера, цвета), вкуса, запаха и т.д., хотя очевидно, что данные мотивационные признаки являются первичными. Нередко появлению конкретной номинации предшествует долгий процесс осмысления эстетических, эмотивно-оценочных признаков. То есть, оценочное отношение человека к окружающей действительности и в частности к растениям формируется в процессе дальнейшего ознакомления с миром флоры и составляет основу так называемых прагматических стратегий именования. Прагматические стратегии проявляются как результат ценностного осмысления единиц флоры, при этом мотивационной основой номинации выступает признак, репрезентирующий полезность или вредность растения для человека или животного.

Следует отметить, что прагматика долгое время занималась изучением только текстовых форм существования речи. Предметом её анализа являлись речевые акты и условия их реализации. Само понятие «прагматическая стратегия» было введено Т. А. ван Дейком как когнитивная модель комплексного описания, понимания и порождения текста, а также характеристики пользователя языка, описание его целей и знаний о мире [7]. По мнению Т. А. ван Дейка, «стратегии – это часть нашего общего знания: они представляют собой знание о процессах понимания... Применяемые к изучению текста стратегии носят гипотетический характер, они похожи на эффективные рабочие гипотезы...» [Там же, с. 164]. Однако прагматическое направление в языкознании связано не только с исследованием языковых единиц в тексте, но и с определением их отношения к человеку, использующему язык. Именно человек создаёт различные номинации и вкладывает в них результаты когнитивного и ценностного освоения действительности. В лексической системе языка, в отдельных номинативных единицах либо репрезентируется определенный когнитивно выделенный признак, либо выражается отношение человека, его оценка называемого объекта. Изучение лексики, в частности такой её подсистемы, как флора, с точки зрения прагматики примечательно тем, что в ней выражено аксиологическое отношение к обозначаемому растению этноса в целом.

Таким образом, если когнитивная стратегия номинации базируется на вычлениии какого-либо отличительного свойства растения из общей массы признаков, то прагматическая стратегия основана на актуализации практической пользы или вреда растения для человека. С одной стороны, рассмотрение прагматического аспекта номинации невозможно без анализа её когнитивных истоков, которые, составляя основу номинации, становятся отправной точкой создания названия. С другой стороны, прагматический аспект прямо влияет на когнитивную деятельность человека, выдвигая практическую значимость растения для жизни человека на первый план, оставив при этом все остальные особенности растения на периферии восприятия.

Важность изучения флоры в прагматическом аспекте очевидна, поскольку такой подход позволяет выявить то, что в наименованиях растений стремился выразить этнос, каким практическим опытом он обладал.

Мы исходим из того, что выбор прагматических стратегий номинации обуславливается как онтологическими характеристиками растений, так и когнитивными особенностями их восприятия, анализа, идентификации и на этой основе определения их практической пользы или вреда для человека.

Исследование прагматических стратегий номинаций флоры в карачаево-балкарском и русском языках показало их тесную связь с ценностным отношением к миру растений. Анализируя растение с точки зрения его прагматической ценности, человек стремится передать его свойства через номинацию. Прагматические стратегии реализуются, прежде всего, актуализацией оценки растения, определения его значимости в жизнедеятельности человека. Так, в номинациях лекарственных растений человек в основном подчеркивает их целебные свойства, а в названиях ядовитых растений – их вредоносность.

В результате прагматического подхода к изучению единиц флоры в карачаево-балкарском и русском языках нами выделены следующие обобщенные когнитивные структуры: 1) растения, приносящие пользу человеку и 2) растения, вредящие человеку. Эти универсальные когнитивные структуры получают реализацию в более конкретных моделях с определенной прагматической направленностью. Так, конкретизация первой когнитивной структуры осуществляется благодаря определенным прагматическим стратегиям в нескольких моделях.

В первой модели реализуется прагматическая стратегия обозначения того, что растение может использоваться как лекарственное средство, поэтому стратегии именования флоры связаны с оценкой целебных свойств растения, а также специфики его воздействия на организм человека или животного, например, в карачаево-балкарском языке: *губус ханс* [4, б. 54] / «чистотел (букв.: трава для (выведения) бородавок)»; *ёнке от* [8, с. 505] / «дикая гвоздика (букв.: лёгочная трава)»; *сапыран чапыракъ* [Там же, с. 388] / «шалфей лекарственный (букв.: лист (трава) от желтухи)»; *къанишау чапыракъ* [Там же] / «ятрышник (букв.: лист (трава) от ран)» (название дано благодаря тому, что листья растения употребляются для лечения ран); в русском языке: *кровочист* – стратегия номинации актуализирована самой внутренней формой слова [15, вып. 15, с. 270]; *зверобой* – стратегия номинации, возможно, связана с тем, что настойки растения используются как глистогонное средство при заболеваниях, вызываемых острицами [14, с. 88]; *чистотел* – основанием для названия послужило свойство растения выводить веснушки и пигментные пятна, бородавки, мозоли, лечить язвы, лишай, сыпи и другие кожные заболевания; *донник лекарственный* (целебный) – растение получило свое название благодаря свойству лечить желудочные болезни человека; *кровохлебка лекарственная* – растение получило название благодаря тому, что используется в качестве вяжущего, противовоспалительного, кровоостанавливающего средства; *почечный чай тычинковый* – название дано по целебному свойству растения, сок которого используется для очищения почек, обладает сильным мочегонным свойством; *жостер слабительный* – основанием для названия послужило то, что плоды жостера являются хорошим слабительным средством [Там же, с. 75, 85-86, 115, 169, 218]; *мак снотворный* – эта разновидность мака получило название

по снотворному действию отвара семян на человека; *огарник* – основанием для названия послужило свойство растения заживлять ожоги; *лаванда* – (в переводе с латыни «омывающая») основанием для названия послужили схожие с чистотелом свойства; *сильник* – это травянистое растение получило свое название благодаря свойству отвара повышать уровень сахара в крови на недолгое время, тем самым «придавая силы»; *сонник* – название дано по снотворному действию отвара растения на человека [5, с. 191, 203, 229, 283, 302].

Следует отметить, что в названиях лекарственных растений в русском языке стратегия обозначения целебности растения очень часто подчеркивается использованием лексемы «лекарственный» (или «аптечный»): *мелисса лекарственная*; *одуванчик лекарственный*; *ромашка аптечная* [14, с. 139, 149, 175], тогда как в карачаево-балкарском языке эта лексема используется только в родовом названии *дарман ханс* [8, с. 705] / «лекарственное растение». В карачаево-балкарском языке не маркируется целебность растения. Основа единственной номинации *балханий* / «медуница лекарственная» в карачаево-балкарском языке связана с обозначением целебности, поскольку слово образовано от *балхам* [Там же, с. 116] / «целительное средство».

Номинации многих лекарственных растений являющихся непроизводными, поэтому определить стратегию именования не представляется возможным, например: *эркедиген* / «ромашка»; *дугъума* / «мята»; *баппахан* (*кар.*), *балам* (*муркку*) [4, б. 17, 33, 35, 42] / «калина обыкновенная». Чаще стратегия номинации связана с актуализацией не лекарственных свойств растения, а определенных когнитивных характеристик: *къара ханс* [8, с. 705] / «1) окопник жёсткий, 2) живокость, 3) наперстянка (*букв.*: черная трава)»; *ийис от* / «душица обыкновенная (*букв.*: пахучая трава)»; *кийик чай* / «зверобой (*букв.*: дикий (или олений) чай)»; *жабышмакъ* [4, б. 7, 13, 15] / «боярышник (*букв.*: липучий)».

Во второй модели доминантой прагматической стратегии является объективация того, что растение используется в пищевом рационе человека. В русском языке прагматическая стратегия «используемый в качестве пищи» в большинстве случаев репрезентируется в номинационной структуре: *виноград столовый* – этот сорт винограда, выведенный на Кубани, получил своё название благодаря тому, что из-за хороших погодных условий давал богатый урожай и постоянно подавался «к столу»; *мак десертный* – название этого сорта мака основано на том, что его семена используются кондитерами для выпечки; *борщевик* – название дано благодаря использованию листьев для приготовления борща; *тыква десертная* – название дано благодаря тому, что из этого сорта тыквы варили сладкие каши [5, с. 51, 96, 203, 317].

В карачаево-балкарском языке нет чёткой прагматической стратегии маркировать использование растения в качестве пищи (сравни, например, с турецким *salatalik* [17, с. 2, S. 1249] / «огурец (*букв.*: используемый для салата)»). Растения, широко употребляемые в пищевом рационе, получают название актуализацией когнитивных свойств, например: *къызыл чюгюндюр* [8, с. 746] / «свёкла столовая (*букв.*: красная свёкла)»; *шекер чюгюндюр* (*карач.*), *балтуз чюгюндюр* (*балк.*) [Там же] / «сахарная свёкла». Прагматические стратегии номинации многих растений, используемых в кулинарии, в карачаево-балкарском языке не определяются вследствие их немотивированности: *жыгыра* / «анис, борщевик»; *мурса* / «крапива»; *муртху* (*карач.*) / «калина»; *тюртю* [Там же, с. 262, 472, 674] / «барбарис», *федугу* (*диал.*) / «лебеда».

Третья модель связана с объективацией прагматической стратегии «использование растения в качестве корма для животных». Например, растение *заячья трава*, *заячья капуста* [6, с. 59] в русском языке получило свое название за использование в качестве корма для кроликов, а *аверьян* или *кошачий корень*, *кошачья трава* [Там же, с. 49] – за то, что считается любимым лакомством кошек. Та же стратегия именования реализуется в номинациях растений *тюекъарын* / «верблюжья колочка (*букв.*: верблюжий живот)»; *тюе чыгъана* / «верблюжья колочка»; *эшек чыгъана* [8, с. 739] / «чертополох, татарник (*букв.*: ослиная колочка)»; *чыпчыкъ къудору* [4, б. 12] / «горох посевной (*букв.*: птичья фасоль)»; *къой мусхот* [8, с. 473] / «укроп (копёр) дикий, гладыш (*букв.*: овечий морковник)» в карачаево-балкарском языке.

Стратегия использования растения в качестве корма подчёркивается и употреблением в структуре номинаций лексем *кормовой* и *ашлыкъ* [Там же, с. 104] / «корм (*букв.*: предназначенный для корма)»: *кормовая свекла*, *кормовая культура*, *кормовая репа* [9, с. 131, 135, 136]; *тауукъ ашлыкъ* [8, с. 104] / «корм для кур».

Номинации многих растений в карачаево-балкарском и русском языках, используемых в качестве кормовых культур, представляют собой немотивированные для современного состояния языков образования, вследствие чего невозможно определить прагматические стратегии их именования: *мыржууук* (*диал.*) / «козлятник (галега восточная)»; *клевер*, *люцерна*, *нут*, *soя*, *горох*, *вика*, *рапс*, *рожь*, *ячмень*, *овёс*, *свёкла* [9, с. 99, 105, 122, 133, 135, 140, 148, 151, 157] и др.

Иногда стратегии номинации неожиданны. Например, название травянистого дикорастущего растения *барашки*, распространенного в средней полосе России, мотивировано тем, что оно встречалось на лугах, на которых велся выпас овец и коз [5].

В четвертой модели актуализируется прагматическая стратегия практического применения растения в хозяйственной жизни человека: *бюрче ханс* [8, с. 177] / «чабрец, тимьян ползучий (*букв.*: блошиная трава)»; *ингил ханс* [4, б. 54] / «чистотел большой» (от *ингил* [8, с. 304] / «румяна, косметика»); *сапын ханс* [Там же, с. 705] / «дикий эспарцет (*букв.*: мыльная трава)» – растение получило название благодаря свойству мылиться; *къызыл от* [Там же, с. 505] / «марена красильная (*букв.*: красная трава)»; *сибирткилик* или *татыусуз ханс* [Там же, с. 558] / «вереск, полынь горькая (*букв.*: (трава) используемая для изготовления веников)».

Вторая когнитивная структура получает конкретизацию в таких прагматических стратегиях, как объективация того, что растение является ядовитым, то есть вредящим здоровью, опасным для жизни, дурманящим, сорняковым.

Человек и различные виды животных неодинаково восприимчивы к различным химическим веществам, содержащимся в растениях, в их коре, плодах, листьях, цветках, которые, попав в организм человека или животного, вызывают отравление и даже приводят к смерти. Человек, соприкасаясь с растением, вредящим его здоровью и жизни, выражал свое отношение к растению в присвоенном ему названии. Страх перед растением становился основой прагматической стратегии номинации. Например, в карачаево-балкарском языке стратегия номинации растения *элкьыргъан* [Там же, с. 766] / «название растения (букв.: истребившее село)» связана с актуализацией его особой опасности, способности истреблять многих.

Выделение полезных, то есть хороших, добрых и вредных, то есть плохих, злых растений находит отражение в таких родовых номинациях, как *лекарственное растение* [16, т. 2, с. 173]; *ядовитое растение* [Там же, т. 4, с. 779]; *сорняк* [Там же, с. 203] в русском языке и *дарман ханс* [8, с. 705] / «лекарственное растение»; *заранлы ханс* [Там же, 288] / «вредоносное растение (растение-сорняк)»; *аман ханс* [Там же, с. 705] / «ядовитое растение» в карачаево-балкарском языке.

Примечательно, что карачаево-балкарский и русский языки придерживаются одних и тех же прагматических стратегий именования растений, вредящих человеку, используя для этого оценочные лексемы *лихой, лютый, пьяный, дурманящий* в русском (*лихая трава, лютые корни* [18]; *багульник* или *пьяная трава* [6, с. 78], *дурман* [16, т. 1, с. 453]) и *аман* / «плохой» в карачаево-балкарском языке: *аман ханс* [12, с. 595] / «сорная трава (букв.: плохая трава)»; *аман ханс* [8, с. 705] / «ядовитое растение (букв.: плохая трава)». Средством репрезентации растений, вредящих человеку, в карачаево-балкарском языке выступает также лексема *тели* [Там же, с. 618] / «1) сумасшедший, ненормальный; 2) дурак, глупый»: *тели мусхот* / «болиголов (букв.: ненормальный морковник)»; *ийисли тели мусхот* [Там же, с. 473] / «цикута (букв.: вонючий ненормальный морковник)»; *тели ханс мынгылан (карач.)* [Там же, с. 476] / «белена (букв.: ненормальная трава)» (сравни: *мынгырау* [Там же] / «глупый, тупой»).

Прагматическая стратегия предостережения в исследуемых языках репрезентируется:

1) сравнением растения с хищными животными – *айыу тырнакъ* [Там же, с. 40] / «акант (букв.: когти медведя)»; *эшек мия* [Там же, с. 469] / «солodka, горчак (букв.: ослиный лакричник)»; *волчья ягода, медвежья ягода, лисья трава, змеевик* [5, с. 127, 158, 209, 230];

2) указанием на орган, который может быть поражен растением: *головчан* – название дано по свойству вызывать головную боль у человека, контактировавшего с растением; *струпень* – травянистое ядовитое растение получило название по свойству вызывать тяжелейшее кожное раздражение в форме струпней; *волчий лык* – ядовитое растение получило название за свойство ягод пагубно влиять на деятельность головного мозга; *вех ядовитый* – растение получило название за способность пагубно влиять на мышечную деятельность человека; *болиголов* – название дано по свойству вызывать головную боль [Там же, с. 29, 76, 115, 133, 334];

3) актуализацией свойства растения, связанного с негативным воздействием на человека: *дремотник* [15, вып. 8, с. 184]; *жалница* [Там же, вып. 9, с. 68] / «крапива»; *балдыргъан* или *кюдюрюочю ханс* [8, с. 116] / «анис (букв.: трава, которая жжёт)» (сравни также в турецком *isrganotu* / «крапива (букв.: трава, которая жжёт)» [17, с. 1, S. 664]; *ёлор от* [8, с. 505] / «отрава (букв.: трава, приводящая к смерти)».

Особой группой фитонимов являются сорняковые растения, которые наносят большой ущерб сельскохозяйственной деятельности. Осмысляя данную группу растений, человек вычленяет их отличительные свойства и использует в качестве стратегии номинации. В таких родовых номинациях, как *сорняки-паразиты, яровые сорняки, стеблевые сорные растения, корневищные сорные растения* [13, с. 168, 169, 174], стратегия именования растения основана на актуализации паразитирующих свойств и способа их питания. Например, такой сорняк-паразит, как *повилика*, обволакивает стебли растения-хозяина, а *заразиха* поражает корневую систему растения-хозяина [Там же, с. 174, 176].

Следует отметить, что найти истоки номинации растений, основанные на прагматических стратегиях, довольно сложно. Например, название *сердечник* носят несколько видов растений, и по данному названию можно предположить, что растение является лекарственным. На самом деле, это название основано на пагубном воздействии растения на сердечную деятельность. В карачаево-балкарском языке одно из названий подорожника *сингир чатыракъ* буквально означает «жилистые листья». Однако стратегия именования основана на актуализации способности растения лечить заболевания суставов (сравни: турецкое *sinirotu* [17, с. 2, S. 1313] / «трава, используемая в медицине (при заболеваниях суставов)») (*перевод выполнен автором статьи – Л. Х.*).

Проведенный анализ позволяет констатировать, что прагматические стратегии номинации флоры в русском и карачаево-балкарском языках едины. Однако при языковой репрезентации отдельных видов растений языки используют не одни и те же стратегии, и деривационные средства и способы также адекватны типологическим особенностям языков.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Изд-е 2-е, испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 240 с.
3. Геляева А. И. Человек в языковой картине мира. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2002. 177 с.
4. Гелястанланы Т. С. Къарачай-малкъар тилде дарман битимлени атлары: Окъуу пособие. Нальчик: Къаб.-Малкъ. ун-т, 2006. 70 б.
5. Гринкевич Н. И., Баландина И. А., Ермакова В. А. и др. Лекарственные растения: справочное пособие / под ред. Н. И. Гринкевич. М.: Высшая школа, 1991. 398 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. 1. 640 с.

7. Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23. С. 153-211.
8. Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. 831 с.
9. Ковалёв Ю. Н. Кормопроизводство: учебник для студ. сред. проф. образования. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 240 с.
10. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре: монография. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
11. Павлов Д. Н. Когнитивные стратегии обозначения формы объектов в русском и английском языках [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... к. филол. н. Орёл, 2007. 24 с. URL: http://primo.nlr.ru/primo_library/libweb/action/dlDisplay.do?vid=07NLR_VU1&search_scope=default_scope&docId=07NLR_LMS001151762&fn=permalink (дата обращения: 01.07.2015).
12. Русско-карачаево-балкарский словарь / под ред. Х. И. Суюнчева и И. Х. Урусбиева. М.: Советская энциклопедия, 1965. 744 с.
13. Синякова Л. А., Степанова Т. А., Цупак В. Ф. Практикум по основам агрономии с ботаникой. Изд-е 3-е. М.: Колос, 1984. 336 с.
14. Складчиков Л. Я., Губанов И. А. Лекарственные растения в быту. Изд-е 2-е. М.: Россельхозиздат, 1987. 272 с.
15. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1972. Вып. 6-10. 1704 с.; 1979. Вып. 11-15. 1868 с.
16. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. 698 с.; 1983. Т. 2. 736 с.; 1984. Т. 4. 794 с.
17. Türkçe sözlük. Yeni Baskı. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1988. С. 1. А-Ж. 746 S.; С. 2. К-З. 1679 S.
18. Универсальный словарь по русскому языку. СПб.: ИГ «Весь», 2011. 832 с.

**ON THE QUESTION OF PRAGMATIC STRATEGIES OF FLORA NAMING
(BY THE MATERIAL OF THE KARACHAY-BALKAR AND RUSSIAN LANGUAGES)**

Khapaeva Liliya Vladimirovna
Kabardino-Balkarian State University
bryakhin@yandex.ru

The article is devoted to the revelation of the correlation between cognitive and pragmatic factors in the linguistic development of the plant world and the identification of the role of pragmatics as a strategy for naming of flora units in the Karachay-Balkar and Russian languages. The author presents the generalized cognitive structures, as well as the specific models of their realization, based on the pragmatic strategies that condition the motivation of flora nominations.

Key words and phrases: the Karachay-Balkar language; flora nomination; strategy of nomination; cognitive strategy; pragmatic strategy; appraisal.

УДК 81'33

Филологические науки

Статья имеет целью изучить специфические черты аббревиации, найти ее продуктивные модели в субстандартном слое лексики, а именно в лексике морского английского подъязыка. Представляется актуальным накопление информации и анализ процессов производства новых слов в области профессиональной лексики, что позволяет выявлять новые тенденции, существующие в языке. Материалом исследования послужили аббревиатуры, собранные в результате сплошной выборки из 34 словарей морского подъязыка. Основное внимание авторы акцентируют на понятиях 'некодифицированный морской подъязык', 'акопа', 'асимметрия языкового знака', 'акронимы'.

Ключевые слова и фразы: профессиональный подъязык; профессиональные диалекты; некодифицированный подъязык; аббревиация; акопа; эвфемизация; акроним.

Харькова Елена Владимировна, к. филол. н., доцент
Шигапова Фарида Финсуровна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
halenka@rambler.ru; faridash.81@mail.ru

Зиганшина Чулпан Рифовна, к. филол. н.
Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
lana0111@mail.ru

АББРЕВИАЦИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПОДЪЯЗЫКАХ©

В настоящее время наблюдается повышенный интерес лингвистов всего мира к социальным и профессиональным подъязыкам, а также 'условным' языкам, к категории которых Бодуэн де Куртене относил язык «студентов, гимназистов, семинаристов, институток» [3, с. 230]. Причина подобного рода заинтересованности – изменившееся состояние самого языка, а именно отсутствие его 'жесткой' дифференциации «на более